

Ольга Герасимова (Gerolva)
Взаперти

Эти события произошли в конце 50-х годов в швейцарском городке Нью (Nyон)с немецкой актрисой Эрной Грунд. Автор позволил себе перенести события во Францию, изменить время и добавить себе некоторые подробности к происшествию.

Марго – актриса неопределённого возраста, на вид ей 35-40, но судя по рассказам – может быть и больше, и меньше.

Администратор.

Смотритель музея.

Прохожий.

Действие происходит в конце октября во время ярмарки святого Романа в Руане. Сцена представляет зал, в который зритель смотрит как бы с улицы: пара высоких стрельчатых окон с решётками по бокам, вдоль стен зала стоят деревянные скамьи, стойки с флагами и другими военными регалиями, витрины с вещами и документами. У задней стены в центре зала – трон, за ним – бархатные портьеры, по бокам – двери.

Голос из соседнего помещения. ...и с тех пор, вот уже более ста лет, как знак искупления свершившейся в этих стенах несправедливости, одно крыло здания традиционно является приютом для душено больных людей. Но, так как наша экскурсия по месту, где свершился жестокий суд над народной героиней, закончилась, и наступает время обеда, то мы их не встретим. Надеюсь, что информация, которую вы узнали на нашей экскурсии по городу и по Бувейскому замку обогатит ваш спектакль. Спасибо за внимание, хорошего представления.

Во время рассказа одна из дверей открывается, в неё входит Марго. Она оглядывает помещение, будто что-то ищет. За ней через некоторое время входит Администратор.

Марго. Я немного побуду одна и приеду в театр. Обед подайте, пожалуйста, прямо в гримёрку. Хорошо? И гримироваться я буду сама, помощника сегодня не надо. Договорились? Сот и славно. Всё, всё, всё, до пяти!

Администратор. Да, да, Марго. Всё будет так, как Вы любите. Настраивайтесь, готовьтесь. Мы начинаем в пять. Я зайду минут за двадцать до начала, хорошо? Но до этого, клянусь!, никто Вас не побеспокоит, не волнуйтесь!

Марго. Отлично! Всё, всё (*делает рукой жест прощания*), до встречи! Au revoir!

Мужчина уходит. Из-за двери слышен его голос.

Администратор. Поблагодарим нашего гида за содержательную экскурсию. *Жидкие хлопки, возгласы «Спасибо!».* А теперь – обедать! (*голос затихает*) Нас ждут сегодня в уютном местечке...

Марго (*одна, оглядывается*). Так, значит, суд вершили здесь. Прекрасно! Там сидел судья, здесь – герцог, вот тут примостились церковники. И в центре – Иоанна. Великая и величественная Жанна Д'Арк – одна, в окружении стервятников. *Встаёт в позу: руки сцеплены внизу, голова опущена. Бормочет чужой текст, изменяя голос.* О, что ты скажешь, Жанна... Пусть ответит за все свои поступки... (*делает паузу, продолжает торжественно своим голосом*) Я перед вами...

Где-то вдалеке башенные часы отбивают сперва четыре звонких удара, а затем глухо бьют два раза. За дверью слышны тяжёлые шаги и бряканье ключей.

Марго (оглядывается на дверь). Вот чёрт! Быстро прячется за тронное кресло.

Входит смотритель музея, закрывает за собой дверь, подходит к окну и проверяет защёлки, поправляет портьеру у двери слева от трона, выходит в дверь, из которой ранее появилась Марго. Закрывает её за собой. Слышен звук защёлкивающегося замка. Марго через некоторое время выглядывает из-за кресла, осторожно выходит, прислушивается. Никого? Подходит осторожно к двери, прислушивается, дёргает за ручку. Удовлетворённо:

Марго. Никого. Ну, наконец-то! Возвращается в центр зала, вновь принимает позу. Я перед вами...

Останавливается, улыбается и начинает сперва тихо, а затем вдохновенно читать Письмо англичанам от 22 марта 1429 года:

Марго. Иисус, Мария! (поворачивается лицом к трону) Король Англии и Вы, герцог Бедфорд, и вы, многие другие, внемлите рассудку, прислушайтесь к Царю Небесному. Поворачивается в другую сторону, обращаясь к невидимому противнику. Заклинаю вас именем Божиим, всех вас, лучники, солдаты, знатные люди и все, кто находится пред городом Орлеаном: убирайтесь в вашу страну. А если вы этого не сделаете, ждите известий от Девы (бросается к стойке с флагами и выдёргивает один, с которым двигается по залу), ждите известий от Девы которая скоро придет к вам, к великому для вас сожалению, и нанесет вам большой ущерб. Я послана Богом, Царем Небесным, и телесно представляю его, чтобы изгнать вас из Франции. Если же вы не захотите поверить известию, посылаемому вам Богом и Девой, то, где бы вас ни нашли, мы вас покараем и учиним такое сражение, какого уже с тысячу лет не было во Франции, если вы не образумитесь. (танцует с флагом, затем останавливается и оглядывается) И будьте твердо уверены, что Царь Небесный ниспошлет Деве и ее добрым солдатам силу большую, чем та, которая заключена во всех ваших воинах, и исход сражений покажет, на чьей стороне, по воле Божьей, правда. (отбрасывает флаг, встает на колени) И если вы послушаетесь Деву, вы сможете прийти вместе с ней туда, где французы совершат прекраснейшее дело, которое когда-либо совершалось для христианского мира. Дайте ответ, хотите ли вы мира в городе Орлеане; а если вы так не сделаете, то подумайте о великих бедах, которые вам придется пережить.

*Встает, медленно обходит зал, трогает знамёна, достает из открытой витрины различные вещи, рассматривает их. Затем вынимает, разворачивает и накидывает на плечи плащ, с которым двигается. В конце этого импровизированного танца опускается на пол. Далее **Марго** отыгрывает сцену сумасшествия Иоанны из «Орлеанской девы» Ф. Шиллера. Обращается к воображаемым судьям. Почти напевая:*

Где я?
Мои друзья, не правда ль? Все то было
Один лишь долгий сон? Я в Дом-Реми;
Под деревом друидов я заснула;
Теперь проснулася, и вокруг меня
Знакомые, приветливые лица
Моих родных? Об этих королях,
Сраженьях, подвигах мне только снилось;

То были тени; вокруг меня они
Носились под тем волшебным дубом;
Иначе как зайти вам в Реймс? Как мне
Самой быть в Реймсе? Нет, не покидала
Я Дом-Реми; признайтесь, друзья,
Обрадуйте мне сердце.

Хочу я бросить
Свое величие? Хочу, друзья,
С себя сорвать убор тот ненавистный,
Который нас сердца разлучил;
Хочу опять пастушкой быть смиренной,
Покорною работою вам служить
И горестным загладить покаяньем
Безумное величие мое.

Опять оседает на пол, замирает под плащом. Некоторое время сидит спокойно, затем тихонько высвобождает из-под ткани голову.

Марго. Вот и всё. Я готова. Пора. *(потягивается, скидывая плащ)* Сейчас немножко пройдуся, впитаю город, а затем верну им Жанну.

Башенные часы отбивают два звонких удара.

Марго поднимается, относит плащ на место. Осматривается, будто прощается с местом, подходит к двери, дёргает за ручку. Дверь не поддаётся. Марго переходит к другой двери, безрезультатно повторяет попытку её открыть. Хлопает рукой по лбу, безмолвно ругается. Резко разворачивается, подходит к окну, раскрывает его и пытается через решётку выглянуть на улицу. Трясёт решётку, которая не поддаётся. Отходит.

Марго *(ёжится)*. Бррр, холодно!

Решительно захлопывает окно, шарит по карманам. Внезапно хватается за голову, будто вспомнила о чём-то очень важном.

Марго. Идиотка! Как я могла забыть, я же оставила его на зарядке! Что же делать? Придётся подождать. Скоро откроют и всё закончится. Чем же себя занять? *(крутит головой)* Экспозицию я уже осмотрела. Настройку сделала. Подумать о жизни *(закрывает глаза, замолкает на некоторое время, открывая глаза)* – подумала. Что бы ещё сделать?

Делает круг по залу в одну, а затем в другую сторону.

Марго. Тоскливо-то как! *(подходит к двери, опять дергает за ручку)* Что же они не открывают? Вот сколько можно обедать: час, два, три максимум? А вдруг они сегодня совсем не откроют? Так и останусь я здесь до понедельника. *(решительно возвращается к трону)* Нет, до вторника. *(садится на трон, устраивается поудобнее)* А что: пятница – короткий день. Вот все и разошлись пораньше, суббота и воскресенье – выходные. А в понедельник – закрытие фестиваля, сторож музея, как водится, по совместительству играет в оркестре на трубе и поэтому на работу не пойдёт. Пойдёт во вторник. Или даже в среду. Во вторник отдыхать «от трудов бранных» будет. Немного переберёт, в среду не сможет встать, к четвергу подхватить грипп, на работу выйдет через пару недель. Наши к

тому моменту уже улетят. И останусь я здесь на веки вечные. Прямо здесь и останусь.
(пытается лечь на троне) Неудобно здесь как-то.

Резко встаёт, картинно раскинув руки. Торжественно спускается вниз, произнося слова из финала «Орлеанской девы» Ф. Шиллера.

Смотрите, радуга на небесах,
Растворены врата их золотые;
Средь ангелов - на персях вечный сын -
В божественных лучах стоит она
И с милостью ко мне простерла руки;
О, что со мною?.. Мой тяжёлый панцырь
Стал легкою крылатою одеждой...
Я в облаках... я мчуся быстротечно...
Туда... туда!.. Земля ушла из глаз...
Минута - скорбь, блаженство - бесконечно.

Медленно оседает на пол, ложится на спину и укладывает руки на груди, будто молится.

Марго. Здесь останусь. Я нашла своё пристанище.

Молча лежит некоторое время, затем резко поворачивается на бок и подпирает голову рукой.

Марго. Интересно, мне вся эта ерунда в голову с голодухи лезет или ещё по какой причине? Может поспать часок? А что, все великие актрисы спали днём. Кажется.

Устраивается на полу, кладёт руки под голову. Немного лежит, затем начинает вертеться, чтобы устроиться поудобнее. Лежит молча. Начинает медленно что-то напевать, потом (лёжа) размышляет вслух.

Марго. Танцовщик бережёт ноги, музыкант – руки, вокалист – голос. Актёр работает всем своим существом, рискует всем своим организмом, поэтому должен выспаться, должен хорошо, достаточно спать. Мы – люди ночные, день заканчивается поздно. Не просто поздно, а поздно ночью. И поэтому так важно утром (если нет ранней репетиции) прийти в себя, подготовиться к вечернему спектаклю, настроится. Я люблю утренний покой, когда могу побыть наедине с собой. Мне это даёт силы. Правда, удаётся не часто.

Вдруг начинает смеяться и резко садится на полу.

Марго. В тот день утренней пробы не было, можно было спать как минимум до десяти. Но не тут-то было. В то утро меня сорвали с постели оглушающий рёв динамиков. Вероятно, этот утренний концерт должен был обрадовать как можно большее количество людей. Я с трудом продрала глаза и подползла к окну, чтобы его закрыть. Но любопытство! Ох уж мне это любопытство – двигатель прогресса и враг благополучия! Подняла жалюзи и выглянула во двор. Что в этом зазорного: в многоквартирном доме люди редко знают друг друга, но никогда не преминут поинтересоваться жизнью других, тем более, если это не требует никаких затрат.

Потрясающая картина: под моими окнами стояла толпа, человек в двадцать, были беспорядочно припаркованы 5-6 авто. Суетились женщины в строгих нарядных платьях,

стояли группкой мужчины в визитках. Все с цветами и воздушными шарами. «Ого, - подумала я. – Вероятно, офисные крысы. Выйти в семь утра на демонстрацию – это круто!». Это решило всё. Я, естественно, стала разглядывать сборище, чтобы понять, что они тут забыли.

«Работяги» оживлённо размахивали руками, короткими перебежками перемещались по нашему небольшому дворику и заинтересованно пялились в окна противоположного дома. В какой-то момент все сгруппировались и грянула музыка. Это уже становилось интересно. Окна, напротив моих, молчали. Но ожили многие другие. Я плюнула на все условности, открыла окно полностью и, накинув лёгкую шаль поверх сорочки, выглянула в окно. Зрителей стало уже много. Ободрённые офисные работники под чутким руководством дирижёра грянули «Клара! Клара!! Клара!!!». Парень с цветком в петлице упал на колени и воздел руки вверх. Люди в окнах заплодировали, мужик, живущий надо мной, пронзительно свистнул. Ещё бы, такое представление!

Окна напротив безмолвствовали. Правда, в какой-то момент мне показалось неуловимое движение за шторами в квартире этой злополучной Клары.

«Переигрывает. Паузу затянула», – машинально подумала я. Вероятно, это видение движения было не только у меня, так как толпа засуетилась, все вновь забегали вокруг парня, кто-то стал нервно звонить, дамы озабоченно совещались, встав кружком. И все поглядывали на окна.

Я потащила на кухню и поставила вариться кофе: заснуть теперь всё равно уже не получится, а так досмотрю представление до конца с комфортом. Супружеская пара – соседи Клары по этажу – устроились завтракать на балконе. Они о чём-то тихо, достаточно миролюбиво спорили. И вдруг так азартно стукнули друг друга по рукам! «Ого!», – подумала я. – «Да здесь ещё одно представление! Любопытненько!» Мужик выскочил с балкона и вернулся назад с бумажником. Вероятно, заключили пари. Интересно, они на Клару ставили или про парня спорили. Или ещё какой поворот событий предполагают – соседи как-никак.

Клара не появлялась. Интересно, красится-одевается или прячется по принципиальным соображениям? Кто-то прошмыгнул в подъезд, в надежде провести переговоры через дверь. Минут через десять толпа вновь застыла в заранее продуманном порядке. Грянула музыка, парень пал на колени, тётки возвопили «Клара!».

Безрезультатно.

Сосед перегнулся через перила своего балкона, пытаясь заглянуть в молчаливые окна. Облом у всех!

Без десяти восемь деловые люди погрузились в машины и выехали со двора. Ах, как мило они распахивали по машинкам коробки, шарики, букеты! Последним поле боя покидал белый лимузин, не замеченный мной спросонья. Соседи по двору не покидали наблюдательные пункты ещё минут двадцать. Однако шторы на окнах так и остались закрытыми, из подъезда, вроде бы, так никто и не вышел.

Кларин сосед сиял.

Обитатели двора постепенно покинули окна, жизнь продолжалась.

Интересно, она в ту ночь дома была? Или была не одна. Или уехала к родственникам погостить. Или у подруги осталась. Или ещё чего изобрела.

Парень, конечно, дурак, ну кто помолвку без согласования с объектом вожделения делает?! Судя по выправке и «обмундированию» на меньшее не тянет: иначе с какой стати в семь утра быть при макияже, платьях и причёсках?

Не скрою, я была рада, что парня бортанули: не стоит мешать жить окружающим. Клару жалко было: во-первых, такое шоу пропустила, во-вторых, подмочила репутацию в глазах сотрудников (не могли же все они быть многочисленной роднёй претендента!),

в-третьих, ей ещё предстояли объяснения с щёголем на лимузине. Может девица свою судьбу прошлапила! А может быть и наоборот, много от этого происшествия выиграла. Как знать! Такие ситуации иногда на пользу, а не во вред.

Опять растягивается на полу. Рассуждает, глядя в потолок.

Марго. Надо расслабиться и поспать, а через час откроют, и я пойду в театр. Любопытно, сколько сейчас времени? Сколько у меня в запасе?

Башенные часы отбивают четыре звонких удара, а затем глухо бьют три раза.

Марго (*садится, немного оборачивается, взмахивает рукой куда-то вверх*). О, спасибо! Пожалуй, час ещё есть. (*опять ложится*) Прекрасно, буду спать. (*елозит и крутится на месте*) Или не буду. (*делает пассы руками, затем встаёт и начинает пританцовывать*).

Помню, на втором году обучения я встречалась с Виктором – подающим надежды пианистом. Дарование было победителем кучи международных конкурсов, не знало проблем с деньгами и имело много амбиций. У него были фантастические руки! Уж не знаю, сколько он октав брал на рояле, но когда меня он брал «в охапку», то просто в этих объятиях терялась. (*мечтательно*) А как он целовался! Боже! После первого же поцелуя я готова была снять с себя всё. И позволить ему вообще всё! Но... (*сухо*) природная скромность провинциалки не позволяла делать это «всё» прилюдно, к тому же после первой встречи. Поэтому для начала мы встречались неделю в свободном режиме, потом месяц – довольно плотно. Я всё ещё часто ночевала дома, но уже была готова расстаться с этой пафосной привычкой. В то время я чуть не забросила учёбу. Опаздывала на занятия и репетиции, забывала текст, витала в облаках и постоянно хохотала. Через месяц я решила переехать к нему. Он, похоже, этого не ожидал, но и не возражал. (*останавливается*) Наступил «День X», когда всё должно было решиться.

В стране был какой-то праздник, поэтому занятий не было. А было аж целых два дня выходных! Мы с приятельницей Валерией устроили прощальную вечеринку на двоих: она завершала отношения со своим партнёром и переезжала на новую квартиру, я начинала новую жизнь. Жизнь была прекрасна и полна радужных перспектив, о которых мы и проболтали всю ночь. В воскресенье в Концертном зале было важное мероприятие, кажется, какой-то очередной музыкальный конкурс раздавал награды. Нам было всё равно, что это, главное, что там собиралась вся верхушка театрального мира, или как сейчас говорят «Шоу-бизнеса». Валерий (она так себя звала в тот период бурной жизни) достала не то в фильме, не то в мюзикле, где подрабатывала танцовщицей, по случаю два платья «а-ля тридцатые». Мы нарядились, накрашились, причесались и заявили на церемонию. (*говорит протяжно*) Кра-са-ви-цы! Идём по залу: молодые, стройные, блещем во все стороны улыбками, платьями, поддельными камнями диадем и браслетов. Никто даже и не подумал нас спросить, что мы забыли в партере. Билетики-то у нас на самый верхний ярус были. А в антракте триумф продолжился: мы прогуливались между рядами, обменивались улыбками, поцелуями, перебрасывались словами со знакомыми и незнакомыми людьми. Всё шло прекрасно! Пока навстречу нам не выплыла пара: Виктор под ручку с какой-то полуодетой пигалицей, которая нахально висела на нём. А он, ОН!, придерживал её ниже талии своими дивными ручищами! Явно, это была не сестра, не племянница и вообще не родственница. Мы встретились. Он испуганно отдернул руку от подружки. Мы раскланялись. Я сухо представила: «Виктор» – «Валерий». Девица кокетливо протянула два пальчика: «Елена» и вновь повисла на спутнике. Мы перекинулись парой незначимых фраз и разошлись.

Я не стала ждать второй части церемонии, уехала домой. Дома моё разочарование и досада нашли неожиданное подкрепление. Молоденькая скрипачка-китаянка, с которой

мы на пару снимали жильё, сказала: «Виктор звонила, много-много. Я сказал, что ты у Валерий». Вот что тут скажешь!

Мы больше не созванивались. Позже пару раз где-то пересеклись. Он был один, я – со спутником. *(улыбаясь)* Целовался он всё также проникновенно! Через некоторое время до меня дошли слухи, что он сломал кисть на какой-то пьяной вечеринке, бросил карьеру музыканта, устроился работать на радио, вёл что-то связанное с классикой.

Мы встретились лет через пять-семь на церемонии закрытия кинофестиваля. Я попала в номинацию «Открытие года». Он подошёл, скромно поздравил, вручил сумасшедший букет и визитку. Я через пару дней рассмотрела эту визитку: *(делает вид, что рассматривает маленькую карточку)* «Торговый дом «Виктор»: поставка рыбы из любой части мира. Всё для Вас, всё на Ваш вкус». Интересно, что он делал на фестивале?! «Титаник» спонсировал?! Надеюсь, что ему в жизни повезло. *(опять мечтательно)* Ах, как он играл! Как играл! *(с хитрецей)* Однажды я забралась под рояль, когда он играл «Токкату» Баха. Я, конечно, знала, что у старика – органиста была куча детей, но чтобы так откровенно выражаться в сокровенном! Впрочем, если люди, приходящие на землю, угодны Богу, то наверное, и процесс, приводящий к их появлению, должен быть благословен. *(потягивается)* Как он играл! И какие были руки... А ведь мы могли быть такой чудесной парой: он – гений, я – талант... Нет, пожалуй, лучше звучит: он талант, я – гений. Какое будущее!.. *(серьёзно)* Не сложилось.

Потом всё было по мелочам, а серьёзным увлечением стал писатель-эзотерик Эдуард – Магистр Золотой пирамиды, какой-то по его словам высокой степени масонской логи. Как меня угораздило с ним связаться – ума не приложу! Разница в возрасте была почти в тридцать лет, поэтому отношения строились по принципу «СОС»: от женщины требуется слушать, обожать и обслуживать, а также давать мужчине секс. Я продержалась почти год. Я слушала его стихи, читала вслух друзьям и поклонникам его эзотерические повести, показывала обожание и преклонение, убирала дом, стирала, готовила еду, обслуживала его похоть в любое время. И при этом была очень востребована в театре и кино: я бралась за всё, На свои гонорары я его кормила, одевала и даже один раз мы летали в Египет, медитировать среди пирамид. Ведь только там он мог получить вдохновение для следующей книги. За год я так вымоталась, что однажды прямо на съёмках потеряла сознание. С площадки увезли на скорой, в больнице поставили истощение и невралгию, сделали пару уколов с витаминами, велели больше спать, гулять и правильно питаться. Через три дня я вновь была на площадке. А через неделю всё повторилось, и режиссёр снял меня роли с условием, что я за три месяца приду в себя: на больший срок он не мог приостановить мои съёмки. Если я выполню условие, то меня восстановят. Если нет – прощай кино! В театре тоже пошли на встречу, за что я худруку и режиссёру очень благодарна. Поверили они в меня, чудо! Три месяца я пыталась жить одна. Эдуард регулярно звонил. Сперва спрашивал «как дела» и, не выслушав меня до конца, говорил: «Малыш, ты справишься», а потом рассказывал о себе, о работе, о бывших женах, о финансовых сложностях, о том как он во мне нуждается и о том, что я приношу ему счастье. Денег я дать не могла, встречаться часто тоже не было сил. Через две недели таких отношений он обвинил меня в скарденности, ещё через две – в жадности, через месяц – в эгоизме и в том, что я его использую и на нём наживаюсь. Через три месяца мне это порядком надоело. К счастью начались съёмки в Германии, и я освободилась от этой каторги. По какой-то причине туда он звонить не решался.

Ах, это было чудесно! Я опять начала смеяться, петь, танцевать. *(смеётся)* По моему я стала похожа на молодую лошадку, которую впервые вывели из стойла. Для неё всё в диковинку: солнышко, травка, сородичи... *(кружится и скачет по залу)* я так наслаждалась жизнью, эти несколько недель вдаль от дома, привычек, рутины – и не передать!

А потом вышел фильм, принесший мне известность и смелость говорить «нет». Эдуард позвонил ещё пару раз и больше меня не беспокоил.

Садиться на трон.

Марго. Любовь... Безответная любовь. Странная любовь. Любовь неравная. Как по-разному всё это бывает. *(задумывается)* Когда же это началось? Наверное, весной. Дома. *(встаёт)*

Была весна, первые дни мая. Я – молодая начинающая актриса. Первые гастроли, съёмки, первая слава. Помню, вернулась домой, в маленький провинциальный городок, обошла родню, соседей, зашла в школу с учителями поболтать, ученикам о театре рассказать. *(зажмуривается, встряхивает головой)* Молодая, быстрая, блестящая. А тут он у стеночки, взъерошенный какой-то, сутулый. Видит меня, от стенки отталкивается и говорит: «Ты ко мне пришла? На день рождение?» И руки мне на плечи положил. Улыбается. Ничего не делает, только смотрит и улыбается. А меня вдруг волной любви и счастья накрыло. Я аж растерялась, тоже стою, улыбаюсь и понимаю, что я кончилась. И началась. *(улыбается мечтательно)* А он стоит внезапно высокий, красивый. Стоит и смотрит. И любит. Любит так, как никто другой за все мои 20 лет не любил. И я это понимаю. И он понимает. Так мне хорошо стало, так светло, спокойно, радостно. Только в висках стучит: «Ему 16, мне 23. Ему всего 16, а мне уже 23! Он ещё школьник, а я – состоявшийся мастер». Ха, мастер! В 20-то лет! Ну и дура!

Как уж я о себе и о театре рассказывала – не помню, как пьяная была. А вечером быстро собралась и уехала назад, в столицу. Да что уехала, на крыльях улетела. И несколько месяцев потом, как вспомню глубокие серые глаза Марка над собой или голос «Ты ко мне, на мой день рождения приехала», – так счастливой волной и обдаёт. На меня в то время сразу предложения посыпались, проекты, даже за рубеж уезжала – с одним очень интересным европейским режиссёром работала. А потом премии, признание, поклонники. Суэта. Карусель. *(помолчав, спускается вниз)*

В школу потом несколько лет не ходила, боялась, что не выдержу, пойду за ним. Куда поведёт – туда и пойду, и наплевать на возраст, положение, разговоры и пересуды. А он из нашего городка уехал. Напрасно боялась. *(улыбается, молчит)*

Сколько лет прошло, а помню эту встречу.

Забавно, теперь мне уже всё равно: десять лет, двадцать лет разницы, причём уже не важно, в какую сторону. *(грустно)* Что же, милая, с тобой произошло? Я ведь потом с каждым возлюбленным такую волну ждала. Будто внутри камертон спрятан. И либо отзывается, либо – нет. В моём случае, чаще не отзывался. Влюбляюсь постоянно, а он – не звучит. Ну, вот чего ему, то есть мне, не хватает?! Вот Жанна: раз – и на всю жизнь. А я?

Часы звонко бьют два раза. Марго оживляется, вскакивает с кресла, подбегает к двери начинает её дёргать, а потом бессильно колотит руками и ногами. Резко разворачивается и подходит к окну, пытается протиснуться через решётку.

Марго. Надо выбирать. Вот и рука прошла, хорошо, теперь плечико... Ещё немножко! Если голова пролезет, то и всё остальное тоже должно пройти. *(Освобождается, говорит с досадой)* Не помещается! Ну что жизнь! И чего я только не делала, чтобы не поправиться: диету не соблюдала, спортом не занималась, спать – тоже не высыпалась, как следует. А как с такой работой выплывешь! Всё, решено, сяду на диету. По честному сяду. И даже соблюдать её буду. Дайте мне только шанс выбраться отсюда – сразу же сяду! Вот, обед я уже пропустила. *(с тоской)* Господи, есть-то как хочется. Попробую ещё разочек. Не лезет!

Пробует протиснуть голову между прутьями. Дальнейший монолог произносит в таком положении.

Марго. Эй, э-э-эй! Есть кто-нибудь?! Люди, где вы? Неужели в этом захолустье все в театр ходят? А, вот идёт один! Господин! Herr! Mister! Месье, Господи, товарищ, в конце концов, comrade! Месье, help me, please! Не понимает. Как же это по-французски?

Я – Жанна Д’Арк. Понимаете? Меня ждут. У меня выступление через час. Понимаете?

Прохожий (*кивает головой*). Oui, oui, bien sûr. Et je suis dans ce cas, Bonaparte. Napoléon Bonaparte. /Да, да, конечно. А я в таком случае Бонапарт. Наполеон Бонапарт./

Закладывает руку за лацкан пиджака, оставляет ногу. Adieu! Уходит.

Марго. Стойте! Куда! Куда же Вы! Не уходите! А я? Подождите, что он сказал? Бонапарт, Наполеон Бонапарт. Сумасшедший! Боже мой, что за город: то нет никого, то сумасшедшие на свободе разгуливают. Возмутительно!

Что же делать? Надо успокоиться. Успокойтесь, настройтесь, соберитесь и быть готовой. *Делает несколько вдохов и выдохов.* В любом случае, без меня не начнут. Или начнут? Да нет, не может быть, не начнут. Точно не начнут! Некому, я же одна такая. Это у них незаменимых нет, а у нас незаменимые – есть. (*шёпотом*) И уже хотят есть. Чёрт, застряла!

Вцепляется обеими руками в решётку, пытается освободиться. Через некоторое время это получается.

Марго. Фу-у-у-у! Свобода! Свобода! Свобода!

Начинает прыгать по залу, опрокидывает вещи, хватается за флаг, размахивает им и читает из Шиллера:

Зрела я небес сияние,
Зрела ангелов в лучах...
Но души моей желание
Не живет на небесах.
Грозной силы повеление
Мне ль, бессильной, совершить?
Мне ли дать ожесточение
Сердцу, жадному любить?

Мне ль свирепствовать в сражении?
Мне ль решить судьбу царей?..
Я пасла в уединении
Стадо родины моей...
Бурный путь мне указала ты,
В дом царей меня ввела;
Но... лишь гибель мне послала ты...
Я ль сама то избрала?

Марго (*останавливается, переводит дыхание*). Сердцу, жадному любить! Я вообще кого-нибудь любила? (*кричит*) Я могу любить? Мне это дано? Или только играть любовь, играть в любовь? (*тихо*) Макс принимал во мне всё: ему нравилось, как я ем, как я сплю, как я смеюсь, как громко и порой фальшиво пою. Когда он внезапно ушёл и перестал отвечать на звонки, я обиделась: (*повышая голос*) конечно, он – востребованный

художник, может жить с кем хочет. Но ведь и я звезда! А звёзд не бросают! Я дала себе слово, что ни один мужчина меня не бросит! Я могу оставлять кого и когда угодно, но только Я! И никто больше. *(опять спокойно, безучастно)* Через пять месяцев, когда я вернулась с очередных съёмок, позвонила его сестра и назвала номер могилы и название кладбище. Он сгорел от рака очень быстро, а мне ничего не говорили, чтобы не огорчать. Будто быть брошенной легче, чем вдовой. Господи, с этим так трудно было смириться. Как трудно! Я ведь многого не умею. Например, не вожу машину. Для меня это не реально: я и по улице иду, руками размахиваю, внезапно останавливаюсь или наоборот вдруг начинаю подпрыгивать. Куда уж с такими особенностями за руль садиться! Или разговариваю сама с собой, прямо на проезжей части, а прохожие шарахаются. Но не буду же я объяснять всем и каждому, что мне в движении удобнее роль учить. *(грустно поморщившись)* Готовлю я ужасно. Когда живёшь в постоянных разъездах не до развития кулинарных способностей. Ещё я не умею копить деньги, правда, надо отдать должное судьбе, тратить их тоже не умею. Раздаю, часто в долг даю. Даю, даю, а сама потом забываю, кому и сколько дала. *(смеётся)* Хорошо, что люди вокруг честные – сами возвращают, а то прямо беда!

С памятью вообще отдельная история: у многих актёров плохая память. Говорят, что это часть профессии. Возможно. Со временем я действительно перестала запоминать лица людей, с которыми встречалась. До смешного доходит: идёшь мирно, никого не трогаешь, а вдруг не тебя кто-то бросается и начинает руки жать, рассказывать о двоюродной тётке, которая уже поправилась с того момента, когда вы вместе в самолёте летели. Даже боязно спрашивать, что именно с тёткой случилось: она выздоровела или прибавила в весе? А то придётся заново знакомиться. Конечно, бывают и неприятные истории, но тут уж ничего не поделаешь – издержки профессии. Помню, мы с одной возрастной актрисой снимались в сериале. Шесть серий кряду! А через полгода столкнулись в коридоре студии, а я её не только не узнала, но даже и не поняла, что мы вместе работали. Меня партнёрша в бок толкает: «Ты что, обиделась на неё за что-то?!» А я без тени сомнения: «А кто это? Мы не знакомы». Стыдно потом было, невероятно!!!

Но тексты я разучивать люблю. Просто надо знать, как это делать. Для меня всё началось в театральной школе. Занятия по вокалу нас проводила итальянка, она прекрасно пела и безумно любила русскую музыку. Она мечтала поставить Чайковского, и, разучивая с нами «Евгения Онегина», часто повторяла: «Не заучивайте слова, не запоминайте ноты – почувствуйте образ. Что стоит за этими словами? О чём поёт ваше сердце?». Потрясающий рецепт! Я месяц не могла слова запомнить, а прислушалась к себе, и.. . – вуаля – за день всю роль разучила. И пользуюсь этим правилом по сей день – прекрасно работает! Одно странно: я тогда пела няню. *(напевает арию няни из 2 Картины 1 действия)*

О чем же, Таня? Я, бывало,
Хранила в памяти не мало
Старинных былей и небылиц
Про злых духов и про девиц,
А ныне все мне темно стало:
Что знала, то забыла. Да,
Пришла худая череда!
Зашибло!..

Марго. И все роли, которые разучивала, помню. Не головой, а какой-то другой памятью. А подробности жизни, людей или какую-то информацию – не запоминаю, всё записывать надо. Зашибло! Да-а-а-а-а.

В ту пору меня спас только театр. Он всегда спасает! Ради театра я мотаюсь по миру, ради него могу не спать – не есть, работать сутки напролёт, из-за него у меня нет детей и постоянного мужа. Кто выдержит рядом с собой такое?! Ведь каждому хочется, чтобы рядом был человек надёжный, который заботится и понимает, которого видишь не по странному расписанию и не урывками между многочисленными проектами. Может быть, мне противопоказана семья? Так, только друзья, завистники, возлюбленные, партнёры, поклонники, налоговая инспекция, репортёры, маньяки... Куда это меня занесло?

Ах, да, маньяки. *(поднимает плащ, встаёт в позу тореадора, делает плащом несколько движений)* С Алексом у нас были не отношения, а коррида. Бешеные отношения! Это была обоюдная зависимость, магнетизм и пожирающая, разрывающая страсть. Конечно, в нашей паре главной была я: я давала ему масса позитива, всегда держала в тонусе, в напряжении: «Что дальше?». Я вытягивала его из запоев и «сватала» ему роли. Нет, я не работала на него, я ДЕЛАЛА его. Мне это было интересно, азартно. В наших отношениях всегда был экстрим, который и давал жизнь, силы, бодрость. Я была его четвёртой женой, вернее, четвёртой официальной женой. Не могу сказать, что это *почётное* четвёртое место. Мне было наплевать, а ему и подавно. Он просто выполнил мою блажь выйти за него замуж. Это что-то поменяло? Нет! Просто в паспорте одним штампом и одной записью стало больше. Фамилию я не меняла: сначала не было времени, а потом я подумала: «Быть номером четыре – не хочу». А сейчас я уже единственная. Лучше уж так и останусь единственной в своём роде.

Он жил на моей энергетике несколько лет, а потом – бац! – вот новости – в порыве очередного экстрима он сошёлся с какой-то немкой из парламента – Бундесвер, Бундестаг – чёт его знает, странное название, – продвигавшей российско-немецкие культурные связи. Молода, свежа, энергична. И пятеро вполне самостоятельных детей: всё-таки она была некоторым образом постарше его.

Развод оформила не задумываясь: ну что я буду людскому счастью мешать. Пусть живут, как могут. Заодно, и как хотят. Но без меня. Они с немкой пару лет покувыркались, потом ей захотелось по старинной немецкой традиции «вкусить русский дух». Здесь она через два месяца обнаружила, что благоверный даёт уроки актёрского мастерства (и не только) её старшей дочери. Ясное дело: ей около пятидесяти (может быть, чуть больше), ему – около сорока (может быть, чуть меньше), девице – около девятнадцати (без комментариев). Она нуждалась в опеке взрослого харизматичного мужчины.

Я хохотала как безумная, обнаружив однажды Алекса на пороге своего дома с бутылкой вина и букетом в руках. Он предложил «Забыть прошлые недоразумения и воссоединиться».

Не скрою, я ему сочувствовала, но такой глупости не ожидала. *(размышляет)* С мужчинами вообще сложно. Какие-то они непонятные, нестандартные, что ли. Никогда не ясно, чего им надо. Постоянно что-то новое: один хочет одного, другой – другого, третьему – совсем что-то непонятное подавай. И как же их понять? Совершенно никакой логики, никакой последовательности и ясности. Вот мы с Лё (Леонид, он немного заикается, поэтому Лёня превратилось в Лё) двадцать лет общались, да и сейчас общаемся. Я у него многому научилась, он во многом был наставником, советчиком, даже оберегом. Догадываюсь, что он даже любил меня. Не головой об этом знаю – сердцем. И что с того? Более странных и непонятных отношений ещё поискать надо. Нарочно не придумаешь.

Мы познакомились на съёмочной площадке. Он занимался постановкой трюков, а его жена была режиссёром той картины. Это были мои первые съёмки: опыта никакого, один восторг и энтузиазм. А он рассказывал и показывал, как правильно падать, чтобы не пораниться и костюм не испачкать, как прыгать, как верхом скакать. Он умел всё! И попросить его можно было обо всём. Без стеснения и страха. Думаю, что сперва он просто

меня опекал, а потом уже как-то иначе относиться стал. Первые года три мы просто по-приятельски общались. Обычные производственные отношения. При чём тут жена. Затем на меня снизошло озарение, что я влюблена. Но жена! И двое детей. Вообще-то и я была не совсем свободна. Ещё лет пять ушло на то, чтобы понять, что мне с ним ТАК хорошо и спокойно, что это ничто иное, как любовь. Итак, я его люблю, но... Жена и двое детей. *(улыбаясь)* Причём один всё время болеет – история старая, как мир. Я не могла заставить себя просить его уйти из семьи. Мудрёная мысль. Для меня она и тогда сложной была. А уж теперь и подавно. Результат истории – я вышла замуж. Правда, за другого.

В сложных ситуациях Лё был акробатом, психологом, статистом, советником, да и Бог весть кем ещё. Именно благодаря ему мой брак не распался через три месяца, а продержался несколько лет.

Потом любовь сменилась ожиданием, а потом... От него ушла жена. И он стал растить дочек, давать им образование, вывозить на лечение, решать их маленькие и большие девичьи проблемы, и ещё что-то, и ещё, и ещё. Я никогда не задумывалась сколько лет «крошкам». Оказалось, что старшая на два года младше меня. А я, между прочим, могла бы им матерью стать. Приёмной.

Наконец наступил момент, когда уже никого ничего не сдерживало, все клятвы были отменены, все обязательства выполнены, все заповеди исполнены, все пути разрублены (*Kol nidrei!*) – женись – не хочу. Произошло что-то странное: я одновременно, вдруг, в один миг поняла, внезапно для себя поняла, что не люблю его. Не люблю – и точка. Всё как-то банально произошло, не поэтично: мы случайно встретились на площадке, перебросились парой слов и... вот тут-то на и меня и снизошло понимание, что Лё мне безразличен. Как верный друг – хорош, как опытный мастер – нужен, как муж... *(пожимает плечами)* Муж, партнёр, любовник – нет, его рядом со мной не было. Пус-то-та. Всё внутри меня, вокруг меня стало пусто и спокойно. Это был холодный душ. Но это было так. Я поняла, нет, не поняла – почувствовала, почему семьи распадаются после 20-30 лет крепкого счастливого брака: люди становятся друг другу безразличны, а жить по привычке – смысла не видят. Разумно. Так и наши романтические двадцать лет закатились ясным солнышком за горизонт быта. Удивительно, но мы даже никогда не были с ним физически близки. Порывы были, причём обоюдные, но как-то не сложилось. Просто мы оба радовались жизни и резвились, как дети. То в мороженице по килограмму мороженного съедим, то в дождь по лесу гулять пойдём, то на лодочке кататься поедем. Ха, это было прекрасно! Один раз катаемся, я сижу, руки в водичке плещу, он стих по книжке читает – идиллия! Вдруг вижу водяные лилии, говорю: «Смотри, красотища!». А он и смотреть не стал, как был в костюме в пруд сиганул. Лилий нарвал – огромный букетище. Правда, потом пришлось покупать новые очки и часы, да ещё и документы восстанавливать. Но зато было так весело! *(задумывается)* Интересно, знала жена о наших странных отношениях? Даже, если не знала, то догадывалась.

Башенные часы бьют четыре звонких, а затем четыре набатных раза.

Марго *(констатирует)*. Однако, никого. Ещё минут двадцать, и можно будет никуда не спешить. Господи, когда, когда, когда я повзрослею?! Когда я стану такой, как все? Ну почему я не могу делать всё так, как другие люди? Откуда во мне это? Пошла бы вместе со всеми – не надо было бы великую чистку делать... А так... *(подумала немного, говорит решительно)* Нет, я не могу стать я «как все», я *(важно)* – ОСОБЕННАЯ. И зрители меня любят. Я же им радость дарю. А странности – это так, мелочи, плата за профессию.

Я как-то карту географическую купила, название понравилось – уж больно космополитично звучит: «Весь мир». Платишь 6 € – и получаешь в свои руки весь мир. И делай с ним что хочешь: танцуй на нём, ешь, спи... Я ставлю точки, отмечаю те места, где была. Точки малюсенькие такие – карта ведь с альбомный листок – но кое-где их

много. Так что карта выглядит так, как будто её мухи в провинциальной столовке засидели. И одна из мух (*широко раскидывает руки*) – я. (*давится смехом, успокаивается, продолжает серьёзно*) Я по жизни так много смеюсь, что иногда страшно становится: что может произойти такого, чтобы я заплакала? И плакала долго-долго. (*улыбается*) Пожалуй, это не про меня. Мне, наверное, надо было ребёночка родить, я бы тогда повзрослела. (*задумывается*) Кстати, а действительно, почему у меня нет детей? Я же их люблю. И они меня, кажется. Правда, я не часто с детьми вместе играю, но, по-моему, меня дети не боятся. Да, для них я совершенно не опасна. Мне партнёры иногда доверяют присмотреть за своими чадами. И пока ни с кем из нас ничего страшного ещё не случилось.

Как же так получилось, что я не обзавелась своими собственными детками? Почему у меня их нет? Есть о чём подумать. (*рассуждает*) Формально – сначала «не до того» было, постоянно предохранялась, чтобы ничего карьере не помешало. Потом были такие бурные отношения, куда уж ещё ребёнка в них впутывать. Потом ещё что-то и ещё. А нынче бездетной актрисой быть не модно. Не поздно ли? (*встряхивается*) Нет же, я ещё вполне ничего! (*хлопает в ладоши*) Всё, решено. Как только выйду отсюда, сразу и рожу. Двойню, чтоб ребёночку одному не скучно было. Так, стоп. Сразу я не могу, у меня же премьера через четыре месяца. Допустим, ещё четыре месяца я поиграю – как-то странно сразу после премьеры в декрет уйти. Что ещё? С англичанами у меня контракт ещё на год. Плюс ещё со студией контракт на полтора, вернее, уже год и два месяца. Прекрасно! Значит, рожать я буду через год и два месяца. Двойню. Мальчика и девочку. Надо будет режиссёра предупредить, чтобы на это время ничего не планировал. Боже! Как я могла забыть!! Ведь дети сразу не рождаются! Не рождаются. Не появляются на свет. Надо как минимум девять месяцев подождать. (*озадачено, немного встревожено*) Значит, сразу не родить. Хорошо, допустим, не через год, а ... (*что-то прикидывает в уме, шепчет, загибает пальцы*) ладно, через два. (*энергично*) Надо сказать, чтобы через два года на меня не рассчитывали. (*неуверенно*) Правда, я боюсь младенцев, но может это пройдёт, как-нибудь всё образуется?

Немного молчит, дальше говорит радостно, как будто её озарило:

И потом, у меня же есть дети. Целая куча детей! У кого-то есть племянники, у кого-то – крестники, кто-то приёмного ребёночка воспитывает, а я ИМ жизнь подарила. Когда Леся предложила спасти детей, больных необычными заболеваниями, я даже не поняла, чего она хочет. А потом был «Вишнёвый сад» вместе с особыми детьми. А они были такими чистыми, честными, искренними! Вместе с ними на площадке было невозможно врать или фальшивить. Или опускать руки, хандрить. Более радостных людей ещё поискать надо! Вот тогда у меня почему-то и всплыла картинка из детства: странные люди – толи дети, толи взрослые – бредут как дошколята, взявшись за руки, по больничному двору. Июнь, солнце, жара, а они в курточках и шапочках покорно бредут по кругу за медсестрой в белом халате. Станный, призрачный хоровод. Мне девять лет, и я никогда таких людей не видела. Не увидела бы их ещё долго, если бы в больнице, куда меня положили на обследование сердца, в палатах были места. Но мест не было, а на улице – жара, поэтому моя кровать стояла на летней веранде. Естественно, что днём я не спала, а сидела у окна и любовалась всем происходящим. Два раза в неделю, в послеобеденное время (где-то около двух) появлялись эти дети-старички. Чуть больше получаса они кружили и по двору и уходили в маленький жёлтый домик, стоявший напротив. Однажды я набралась храбрости и спросила у медсестры, которая делала уколы, об этих странных прогулках. Она отмахнулась от меня: «Не говори ерунду!», а прогулки прекратились. Вскоре и местечко в палате нашлось. И вот теперь, двадцать лет спустя, я прозрела: так вот, что это были за дети! До сих пор не могу понять, почему их прятали. За что? Но

благодаря Лесе возник фонд, который помогает «особенным детям» жить среди обычных людей. И – удивительное дело – они иногда более нормальные, чем многие из нас.

Когда дело дошло до создания фонда, я не сразу согласилась: не доверяю как-то всем этим фондам, трастам, корпорациям. Монстры, монстры все они! А из меня какой монстр – любой мальчишка, разбирающийся в финансах, вокруг пальца обвести может. А тут – ФОНД. Первые четыре часа я думала, а потом этих деток вспомнила – все сомнения прошли. Они удивительные. Я многих знаю, помню, люблю. Я очень, очень, очень рада тому, что могу им помогать. Иногда кто-нибудь из них о себе рассказывает, а мне от этого тепло становится: ведь в их новой жизни и толика меня есть.

*Во время монолога **Марго** не слышит шагов зрителя музея, поэтому обнаруживает его только в тот момент, когда он вошёл в зал и присвистнул, увидев погром. Марго порывисто бросается к двери, почти сбивает зрителя с ног. С криками выскакивает из зала: слышны только её удаляющиеся шаги.*

Марго. Аааааа! Такси! Такси!

Служитель (*отступает*). На пути у женщины не стой – зашибёт. (*оглядывается*) C'est la femme qui fait ou défait la maison. (Именно женщина создает или разрушает дом)

Часы вдогонку звонко бьют два раза. Зритель что-то бормочет себе под нос и начинает уборку.

Послесловие.

Марго – она и Маргарита, и Гретхен. Она жива театром и любовью, доверчива и открыта – и в этом секрет её гениальности, её успеха. Марго верит во всё, что говорит и делает, и говорит и делает только то, во что глубоко верит. Она Звезда не потому, что её так называют, а потому, что она дарит миру свет и тепло. И не ждёт – а уж тем более не требует – за это взамен обожания и почестей. Просто она любит и жизнь и старается жить полной жизнью. И этой жизненной полноты, наполненности, переполненности всем вокруг хорошо.

СПб – Лаппеенранта – СПб, 2015